

**Окончание. Начало в №17.
«КАЗЕННЫЕ ДЕНЬГИ»**

Трофейщики брали все, что явно было не из крестьянского хозяйства. Но с особым рвением, ссылаясь на военное время, они искали по Россошному «казенные деньги».

Во время одного из боев напротив дома Изотовых, через овраг, в снегу застряла штабная машина. В ней, кроме офицерских планшетов и карт, карманных фонарей и компасов, карандашей и рулонов ватманской бумаги, было несколько мешков металлических советских денег. Их растаскивало местное население. Одна женщина подцепила на плечо коромысло с двумя ведрами денег, коромысло сломалось и ведра покатились вниз...

Весной мальчишки со всего села на этом склоне перебирали каждую прошлогоднюю травинку.

УБОРКА ПОЛЕЙ

Еще зимой возле сел и деревень трупы убитых сразу убрали и хоронили.

Исправную брошенную технику сразу увозили тыловыми службами, часть ремонтировали в урочище «Заказ», где стояли военные. К весне по полям в основном оставались сгоревшие и покарженные взрывами машины и фургоны, мотоциклы, автобусы, не подлежащее восстановлению. Кроме транспорта, все поля были усеяны всяким военным имуществом: оружием, ящиками, укладками от снарядов и мин, рассыпанными боеприпасами. Все это надо было убирать и обезвреживать.

В 1942 году начальником по сбору металлолома в районе был Потапов Иван Федорович. Правая рука у него не работала из-за ранения (была перебита кость ниже плеча) и висела на сухожилиях. При разговоре он имел привычку закручивать ее то в одну, то в другую сторону. Рассказывают, что выступая на районных совещаниях, и давая задания бригадам по сбору, он с выражением говорил фразу: «Собрать все поля в кучу!».

На площадке у «Заготзерно» было целое кладбище военной техники. Если весной 42-го это была покарженная вражеская техника, то осенью 43-го — в основном наши разбитые самолеты. Стоял часовой, но вездесущие мальчишки и тут находили незаметные лазейки, чтобы потом где-нибудь в укромном месте отчистить от вставшей гари и запекшейся крови ножи и кинжалы, пистолеты, снятые штитки приборов и детали вооружения.

...Таял снег. В Нижней Любовше, возле церкви, из снега выбирали норвежские консервы из разбившегося контейнера. Когда по реке пошел лед, с Верхней Любовши поплыли льдины с вмерзшими трупами немцев, убитые лошади, солома, доски от разбитых повозок, солдатские фляжки, немецкие листовки, пачки размокшей махорки и прочий военный мусор. «Мы потом в речке года два не купались», — говорила Н.В.Левина с Нижней Любовши. По течению плыл брезент с повозок, черные бурки кавалеристов, белые парашюты, какие-то тряпки. Все цеплялось за прибрежные ветви. Парашюты находили также по полям и дорогам, где отступающим немцам частям с самолетов сбрасывали боеприпасы и продукты. Из парашютного шелка женщины шили платья и рубахи.

Половодье в то не так уж далекое время было дружным. Зимой по два-три дня мела метель, наметая огромные сугробы, заметая дома и делая местность неузнаваемой. А потом под мартовским настом бежали ручейки и ручьи, сливаясь в шумные потоки и превращаясь в огромные разливные реки.

Не только по реке Любовше, но и по Болтенкову оврагу в Орево, Крутому оврагу в Россошном, с верховья Трунов, неслись целые реки талой ледяной воды с крошечным льдом и снега, унося на льдинах следы побоища «непобедимой германской армии»...

Когда сошел последний снег и подсохла земля, по планам военной администрации района стали убирать поля. В на-

ЗДЕСЬ ВРАГ ПРОШЕЛ...

ПО РАССКАЗАМ ЖИТЕЛЕЙ СЕЛ РОССОШНОЕ, ОРЕВО, ПОС. КРАСНАЯ ЗАРЯ, СОВХОЗА «РОССОШЕНСКИЙ»

селенных пунктах из местного населения создавали специальные бригады под руководством военных. Они сплошной цепью шли по полям, лесам и оврагам. На одних подводы складывали убитых красноармейцев, на другие — оружие и боеприпасы, на третьи — седла, упряжь, вещмешки и прочую военную амуницию.

«Всех нас собрали», — рассказывала А.С. Павлова, тогда жившая в Лесках, — а лошади военные были, наших-то всех немец поугнал. Мы шли и собирали все по полям на Катины Оскаринки, Хаминский лес, до Россошного».

Часть боеприпасов уничтожали на месте. Из оружия в основном были винтовки — как немецкие, так и наши. Их свозили на станцию и к зданию милиции, складировали. Потом грузили в вагоны с Ельца, сдавая по акту с указанием номеров. Но не хватало людей, времени, а оружия было столько, что некуда было складывать. Несколько раз делали так: возле здания милиции копали траншеи, скидывали туда наиболее дефектное оружие, засыпали солью и заравнивали землей.

ОРУЖИЕ

Сразу после ухода немцев оружие было у всех. Его припрятывали и стар, и млад, тащили даже пулеметы. Оружие было везде и за ним не надо было ходить — оно просто валялось под ногами. В Россошном по всему селу тянулся брошенный обоз — от церкви до переезда. И весь этот автомобильный транспорт был набит предметами самого разнообразного назначения — от предметов первой необходимости, роскоши, до уничтожения себе подобных.

Особенно много военного имущества было раскидано выше казенных прудов «водокачка». Здесь машины и повозки, двигаясь вниз по дороге, выезжали прямо к взорванной плотине. Они разворачивались, мешая друг другу, увязали в снегу и попадали под огонь наших войск. По обе стороны дороги все было усеяно патронами и снарядами, пулеметными лентами, всевозможными военными ящиками — укладками, инструментами, коробками от немецких противогазов, саперными лопатками и касками, брошенными походными ранцами.

«Добра военного было навалом у всех», — рассказывал Н.М. Трубицын. — Мы, ребята, только и таскали. Играли в войну, а ребят раньше много было. С одной стороны человек пятьдесят, и с другой. Все в касках, шинелях, оружие у всех разное. Кидали запалы — без гранат, но и подрывались от них. Запалы выглядели как безобидные желтые трубочки с кольцами, но при их взрыве ударная волна пробивала штык лопаты. По весне милиция, истребительный отряд и активисты ходили по домам, искали и отбирали оружие. Опрашивали родителей, соседей, у особо хулиганистых делали обыск. Матери, увидев у сыновей такие «игрушки», отбирали и ночью кидали в пруд. Мужиков почти не было, старики по хатам нешадно хлестали ремнем внуков, но оружие все равно не отдавали, прятали в разные необычные места».

«Патроны мы в скворечниках хранили», — вспоминал то время И. А. Изотов.

К весне многие мальчишки ходили в перешитой немецкой одежде — шинелях и кителях. С обмундирования спарывали нашивки и знаки различия, ушивали и варили в отваре коры дуба. От этого ткань приобретала грязно-коричневый цвет, но это уже была «своя» одежда, не чужая, и не вызывала ненависти.

В советской военной форме и подростки, и гражданские, открыто стали ходить уже только после окончания войны.

ЛЮДИ РОССОШНОГО

В 1942-1943 годах в селе Россошном располагалась редакция газеты «Слово бойца» 48-й Армии Брянского фронта. Военный корреспондент Николай Романовский в своей книге «По фронтовым

дорогам» оставил нам свои наблюдения о буднях войны в нашей местности, о бронепоезде, стоявшем в селе у песчаного карьера, о поездках к линии фронта к Верховью и Сутолоке.

«Село начиналось здесь же, у станции, и тянулось далеко по обе стороны оврага. Россошное уцелело, но вокзал и его служебные постройки, школа, больница, мастерские, лабазы — все было сожжено. Гитлеровцы пробыли здесь только две недели, но поели почти всю птицу, свиней, вдоволь попили молока и, лишь когда убежали от наших бойцов, не успели взять с собой ничего».

В деревне, где мы разместились, было много кирпичных домов с соломенными крышами, с хорошими и глубокими погребами. Около некоторых домов имелись крытые скотные дворы.

В хатах же полы преимущественно земляные, потолки обязательно деревянные из некрашенных досок.

Я присматривался, что делают жители... В селе почти не оставалось мужчин. Были только старики, инвалиды да мальчишки. Все делали женщины.

Медленно поднимались озимые хлеба, а яровых было посеяно мало: не было ни тракторов, ни лошадей — все съела война.

Некоторые жители копались на своих огородах, надеясь получить с них больше, нежели с полей по которым не сегодня-завтра могли пойти войска и танки и вытоптать все. Почти каждый день ходили они в поле и рыли прошлогодний картофель. Его много осталось невыкопанным в бороздах. За зиму он вымерз, превратился в крахмал, пропитался землей. Этот картофель выбирали из земли, промывали водой, сушили и толкли. Получался ржавого цвета крахмал. Из него пели лепешки, добавляя немного муки.

Май был холодным. Часто шли дожди, холодно было, как осенью. К 1 мая еще не появился ни один листок на деревьях, лишь желтели прошлогодние травы. Только с половины месяца деревья покрылись листвой, начала подниматься зелень, и жители в предвидении неурожая экономили муку и зерно.

Люди Россошного рассказывали, почему некоторые из них ходили в немецкой одежде и обуви. Оказывается, наши окружили здесь фрицев, и они, удирая, бросили огромный обоз с продуктами и амуницией. Крестьяне быстро «разбомбили» этот обоз: унесли домой мыло, сапожный крем, обмундирование, обувь, рассуждая так: «Немцы нас разграбили до нитки, так почему нам нельзя возместить потери и убытки?»

Россошненцы многое испытали за время оккупации. Особенно кара падала на тех, у кого обнаруживали оружие.

Одна женщина рассказала мне, как немцы задержали недалеко от Россошного местного жителя, шестнадцатилетнего парня Ваню Пальчикова. При нем нашли комсомольский билет и револьвер. Немцы решили, что Ваня партизан, привели его в село и повесили на вербе. Он висел несколько дней, потому что труп было запрещено убирать, но кто-то ночью обрезал веревку и похоронил юношу. Я видел дерево, на котором висел Ваня. Обычная верба в ряду других верб, только один толстый сук оттянут книзу, словно он до сих пор испытывал тяжесть Ваниной души...»

ВОЙНА ПОСЛЕ ВОЙНЫ

Боеприпасы, брошенные на поле боя, во все времена были своеобразным продолжением войны. Сразу же после ухода немцев на них стало подрываться местное население, в основном подростки «Ничего не трогай, взорвешься!», — кричал солдат с лошади, мчащийся наперерез А. М. Шаталову, который шел со стороны поселка Запольный к зданию депо. Тут на шпалах лежал чемодан с детскими игрушками, школьный портфель и санки. Все было заминировано.

В Россошном, на Дошпеневке, двое подростков катались с горки на большом

снаряде. Третий, испугавшись, побежал за старшими. Но не успел...

Где-то в это же время, сразу после ухода немцев, в селе Орево шли две женщины. На шпалах они нашли нечто похожее на коробочку, раскрыли ее... Лобову Анастасию Федоровну убило на месте, взрывной волной в сторону отбросило Лобову Марию Елизаровну.

В январе — феврале 1942 года у крайних домов Шатилово, со стороны Ельца, из снега торчали хвостовые части шестнадцати неразорвавшихся снарядов от «Катюши». Видимо, боевой расчет не успел поставить их на боевой взвод и дал залп. Раскрывшая один из них, подорвался подросток Чикмарев.

В 1952 году от взрыва гранаты, найденной в овраге «Лосев», погиб Добарин Иван.

В 1953-м году трое ребят из Кулиги у пруда в Озерках нашли противотанковую гранату. Всю дорогу они кидали ее и, придя домой, решили разобрать... Погиб Малахов Александр, двоих тяжело ранило.

В середине 50-х годов пятеро подростков возвращались из школы: Шенин, Голосов, Хрипков, Зайцев и Давыдов с Кривца. Напротив пекарни, рядом с железнодорожной линией, стояла небольшая будка обходчиков и рос развесистый клен. Здесь ребята нашли небольшой артиллерийский снаряд.

Во время войны от депо до переезда разгружали военные эшелоны с боеприпасами. Станцию периодически бомбили, и после таких налетов в округе ходили саперы, собирая неразорвавшиеся мины и снаряды. Один из таких снарядов и нашли подростки. А самой желанной находкой для них тогда был артиллерийский порох. Он выглядел как тонкие желтые трубочки с дырочками. Его поджигали с одной стороны, он взлетал вверх, как ракета, искрил и кружился в воздухе, вызывая шумный восторг.

Сложив портфели под деревом, подростки стали отделять снаряд от гильзы... На месте взрыва образовалась воронка. Погибли все, в том числе брат В.Д. Автомоновой.

В 1974 году за поселком Запольный Дубинин Алексей нашел головку от мины, принес домой и начал ее разряжать... Его убило, отца ранило осколком.

Это лишь часть только самых страшных трагедий, что случились в окрестностях одной Красной Зари, что запомнили очевидцы. Еще были случаи когда отрывало пальцы, кисти рук. А сколько таких случаев произошло по всему району, уже никто никогда не назовет.

Все дальше и дальше в глубь Времени опускаются те страшные и героические события, оставаясь застывшим на поминанием в памятниках и обелисках, в пожелтевших фотографиях и душах людей, потерявших родных и близких... Все дальше в прошлое уходит от нас та война, а сколько новых тел, разгоралось и горит сейчас?

«Когда, чьим отцам суждено поставить точку на спиралях войны?» — вопрошал писатель-фронтвик Анатолий Ананьев в середине прошлого века. Ответа на этот вопрос нет.

16 декабря 1941 года на территории Краснозорецкого района закончилась операция по окружению и ликвидации Елецкой группировки немецких войск.

Здесь был завершен разгром трех ударных дивизий 2-й гитлеровской армии, прикрывавших южный фланг танковой группы Гудериана. В их числе была любимая дивизия самого Гитлера, 45-я Австро-Венгерская, сформированная в местах, где он родился.

Елецкая операция была частью общего контрнаступления под Москвой. Здесь Красная Армия нанесла немцам один из первых ударов. И самое главное, в ходе общего наступления, в том числе от Ельца до Россошного, была разбита легенда о непобедимости германской армии. И хотя до окончательной победы над врагом было еще далеко, эта декабрьская победа подняла дух сражающихся солдат и тружеников тыла, всего народа и всей страны. Она окончательно убедила и весь мир в том, что «Наше дело правое, мы победим: враг будет разбит и победа будет за нами!»

Владимир БАХТИН, г. Новосиль